РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Общий котел неэффективен и неубедителен

Игорь Шеркунов

председатель совета директоров инвестиционной группы «Капиталъ»

Российский фонд помощи (РФП) и инвестиционная группа «Капиталъ» подписали меморандум о сотрудничестве, согласно которому «Капиталъ» потратит с мая по декабрь этого года $85 тыс. на оплату счетов россиян, обратившихся за помощью в РФП, а фонд гарантирует отбор обоснованных просьб и целевое использование пожертвований. Инициатива заключения этого общественного договора принадлежит «Капиталу». Она удачно совпала с запуском в мае второй ежемесячной страницы РФП в „Ъ“, и ежемесячные $10 625 инвестиционной группы пойдут на поддержку главной темы страницы. Зачем «Капиталу» эта благотворительная программа, Игорь Шеркунов рассказал руководителю РФП ЛЬВУ АМБИНДЕРУ.

Ъ Инвестиционная группа «Капиталъ» специализируется на доверительном управлении активами, инвестиционно-банковских услугах, операциях с ценными бумагами и инвестиционном консалтинге. Группе присвоены рейтинги надежности НАУФОР AAA (максимальная надежность) и «ААА+ Эксперт РА» (высшая степень надежности). «Капиталъ» занимает первые позиции в рэнкингах НАУФОР по размерам активов, собственному капиталу и размеру полученной прибыли. $85 тыс., которые он доверил Российскому фонду помощи, пойдут на лечение детей, закупку оборудования для больниц и помощь многодетным семьям.

— Чем вызвано ваше решение завести совместную благотворительную программу с РФП?

— Цель достаточно проста — помочь тяжело больным детям. Это не первый наш опыт в благотворительности. Мы помогаем больным лейкозом детям, закупаем дорогостоящие препараты, финансируем благотворительные концерты. Но мы всегда стремились сделать нашу благотворительную программу более совершенной, более адресной и более прозрачной. Система сбора средств в общий котел, чтобы потом где-то кому-то как-то помочь, по-моему, уже неубедительна и неэффективна. А вы предлагаете механизм прямой помощи в конкретных случаях, с гарантией целевого использования средств и прогнозируемым результатом. Серьезный плюс — эта созданная вами возможность увеличить наш вклад, привлекая других читателей „Ъ“. Это означает, что мы каждый раз закладываем первый кирпичик, а остальное уж зависит от вашего профессионализма и энтузиазма читателей. Вы два года используете эту схему, в выигрыше все, и прежде всего больные дети. Такое встречается нечасто, и мы решили поучаствовать.

Современная медицина добилась больших успехов, но высококачественная помощь стоит дорого. Государство сегодня не в состоянии помочь всем нуждающимся, и долг бизнеса — участвовать в этой помощи.

— Долг? А как же насчет добровольности?

— Вряд ли будет правильно, если бизнес станет заниматься благотворительностью только по указке государства. Это уже не филантропия, а что-то другое. Благотворительность — занятие добровольное. Я говорю о гражданском долге, извините за высокий слог. Бизнесмен ты, врач или почтмейстер, неважно, можешь — помоги. В то же время государство, власть должны формулировать наиболее актуальные проблемы в здравоохранении, намечать пути их решения и вкладываться. Будет правильно, если благотворительные организации станут действовать совместно с государством, продолжая и дополняя его программы. Это в общенациональных интересах.

— Но где, на каких площадках могли бы сойтись власть и благотворительные организации?

— Это вопрос не к бизнесу. Мы просто хотим помочь больным детям; если повезет, то и спасти их. Но раз вы об этом говорите, значит, проблема существует. Поиск выхода — это задача общественных организаций, СМИ и, конечно, госорганов. Вот вы же придумали решение, мы им воспользовались. Не надо ждать, когда у государства появятся исчерпывающие возможности для спасения всех тяжело больных детей. Особенно когда люди уходят из жизни из-за банального отсутствия средств на лекарства или операции.

— Вы считаете, весь вопрос во времени? И наступит пора, когда государство будет в состоянии решить любые проблемы финансирования медицины? Надо только переждать?

— Да, процесс ожидания может затянуться, однако государство, развиваясь и богатея, обязательно будет увеличивать финансирование здравоохранения. Но благотворительность при этом никуда не исчезнет, она переместится в иные сегменты жизни общества. Будет немало других, в том числе и пока незнакомых нам проблем. Западный опыт свидетельствует, что места для благотворительности достаточно и в процветающих обществах. По большому счету бизнес и власть в равной степени заинтересованы в развитии благотворительности. Бизнесу необходимо стабильное, процветающее общество. На таком рынке можно успешно развиваться с наименьшими рисками.

— У нас считается, что добро надо творить анонимно, а не напоказ. Однако благотворительность может быть прекрасной имиджевой составляющей бизнеса. Есть ли выход из этого противоречия?

— Нет никакого противоречия. Вы вправе поступать со своими деньгами как заблагорассудится, главное — чтобы это не противоречило закону. Что касается бизнеса, то маркетологи рассматривают благотворительность и спонсорство в качестве одного из важнейших инструментов продвижения на рынке. И с усилением конкуренции все больше компаний будут перераспределять свои бюджеты, увеличивая долю корпоративной филантропии.

В живых остаются триста

На животе у Илюши Прусакова нарисованы опухоль, желудок, поджелудочная железа и единственная почка. Если бы был подходящий датчик к аппарату УЗИ, можно бы было облучать опухоль так, чтобы соседние органы страдали поменьше ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

Мы заплатили налоги и больше ничего не должны Маше, Илюше, Наде, Альбине. Они маленькие, у них рак, они и еще пятьсот детей каждый год получают лучевую терапию в Институте радиологии. Там не хватает датчика для УЗИ, чтобы видеть детские опухоли. Не хватает денег на индивидуальный подбор лечения. И нет детской площадки, чтобы дети могли гулять.

Можно, я вам расскажу про детей, судьба которых вас не касается? Маше Масленниковой лет пять. У нее опухоль мозга. Чтобы удобнее было воздействовать на опухоль Машиного мозга гамма-лучами, волосы на висках у девочки выбриты. А волосы на макушке заплетены в хвостики так, чтобы падали и прикрывали выбритые места. Я спрашиваю:

— Можно мне посмотреть, что у тебя там под хвостиками?

— Посмотри,— говорит Маша.

Я осторожно отодвигаю волосы. На выбритом левом виске у Маши нарисован цветок, на правом виске — солнышко.

— Зачем у тебя нарисованы цветок и солнышко? — спрашиваю.

— Для красоты,— отвечает девочка.— Красиво?

— Очень красиво.

Доктор рассказывает, что у них в единственном на всю страну специализированном детском радиологическом отделении не было аппарата УЗИ. Некоторое время назад благотворители подарили отделению современный аппарат, но благотворители не слишком разбираются в медицинской аппаратуре, и датчики оказались рассчитанными на младенцев. Датчики — это такие пластмассовые штуки, которыми вам наверняка елозили по животу, если делали УЗИ хоть однажды. Если бы купить датчики побольше, можно было бы видеть опухоль у Маши в голове, а так приходится облучать Машину опухоль наугад.

Еще рассказать? Илюше Прусакову три года. У него опухоль забрюшинного пространства. То есть в животе. Опухоль неоперабельная. Она уже раздавила у Илюши внутри левую почку и теперь давит на селезенку. Я беру мальчика за руку, рука желтого цвета.

— Знаешь,— говорит Илюша,— солнышко подарило мне поросенка.

— Какое солнышко?

— Которое светит мне в живот. Оно подарило мне поросенка, машинку и ослика.

Солнышком все дети в Институте радиологии называют рентгеновский аппарат, облучающий их опухоли. Солнышко всегда дарит детям игрушки, чтобы дети лежали смирно.

На животе у Илюши косой шрам. А поверх шрама фломастером нарисована опухоль, желудок, поджелудочная железа и единственная почка, которую надо прикрывать от лучей, чтобы те, разрушая опухоль, не разрушали почку.

Доктор говорит, что если бы к аппарату УЗИ купить подходящий датчик, можно было бы облучать опухоль точнее и так, чтобы соседствующие с опухолью внутренние органы страдали поменьше.

Еще рассказать? Наде Беликовой шесть лет. Она пугается, когда я вхожу в палату, и сидит на кровати, потупив глаза. Я сажусь рядом с Надей на пол, беру у нее с подушки плюшевого кота и щекочу кошачьей лапой Надину руку.

— Надя, привет,— говорю я голосом кота.— Ты знаешь меня? Кто я?

— Ты кот,— отвечает Надя, едва заметно улыбнувшись.

Доктор рассказывает вот что. У Нади в подключичной вене стоял катетер, чтобы вводить химиотерапию. И рядом с катетером (так часто бывает) образовался тромб. Если был бы специальный датчик для УЗИ, этот тромб можно было бы увидеть. Надя очень плохо себя чувствовала. Доктор не знал отчего, а просто случайно догадался, что это может быть тромб. Он наугад дал Наде лекарств, рассасывающих тромбы, хотя такие лекарства нельзя давать наугад, потому что велик риск, что начнутся кровотечения и ребенок изойдет кровью. Но если бы доктор не догадался про тромб, тот оторвался бы рано или поздно, попал бы в сердце, и вы знаете, что бывает, когда тромб попадает в сердце.

А вот Альбина — самая веселая девочка в отделении. Ей лет семь, наверное. У нее опухоль мозга. Мы рассматриваем с ней картинку. Альбина сама нарисовала человека, отпускающего в небо воздушные шарики.

— У меня такая мечта,— говорит Альбина,— запустить в небо целую кучу шариков.

— Хочешь, я подарю тебе целую кучу шариков?

— Мне уже дарили,— девочка смеется.— Я их надула, а они полетели не вверх, а вниз.

— Знаешь, почему?

— Я не знала. Я подумала, что меня обманули, когда показывали по телевизору, как шарики летят вверх. Я думала, там, по телевизору, кто-то тянет шарики вверх на веревочках, так чтобы мне не было видно.

— Нет, просто шарики надо надувать не ртом, а очень легким газом, чтобы они летели вверх.

— Теперь я знаю,— девочка улыбается.— А хочешь, я для тебя погуляю на улице? Там только очень ободранная горка, но я могу погулять, если тебе надо кого-то пофотографировать на улице.

Хватит рассказывать? В Институте радиологии каждый год лечится от онкологических заболеваний пятьсот детей. В живых остаются триста. Никто из нас не обязан думать об этом, но доктор говорит, что если бы купить датчик и если бы каждый раз находились деньги на индивидуальный подбор лечения, детей выживало бы четыреста.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для спасения детей Научному центру радиологии не хватает 681 862 рублей

Профессор, руководитель отдела нейроонкологии Федерального центра детской гематологии Ольга Желудкова рассказывает: «Действительно, через Российский научный центр (НЦ) рентгенорадиологии ежегодно проходят пятьсот детей со злокачественными опухолями. Здесь их тщательно обследуют и лечат». Ультразвуковая диагностика (УЗИ) в жизни каждого из этих ребятишек играет ведущую роль. Она позволяет обнаружить беду на ранних стадиях, когда шанс на излечение наиболее высок.

«Недавно,— говорит госпожа Желудкова,— у нас проходила лечение шестилетняя девочка с метастазами в мозге. На фоне лучевой терапии она получила осложнение, началось тромбообразование. А специального оборудования не было, выявить тромбоз мы не смогли. В результате он вызвал нарушения в сердце, почках, и лучевая терапия стала невозможна. Отсюда рецидив основного заболевания. Имей мы датчик, спасли бы малышку».

В детском отделении НЦ установлен аппарат УЗИ GE Logiq-7. Для него срочно необходим кардиосекторальный датчик 2,5–3,5 МГц. Он позволит детально обследовать глубоко расположенные опухоли брюшной полости, а также сердце. Но датчик вместе с программой непрерывно-волнового доплера стоит 507 752 руб. Многим из этих детей надо гулять, но их нельзя выпускать на улицу, в парк, из-за снижения иммунитета им противопоказан и общественный транспорт. Им нужна детская площадка в крохотном дворе НЦ, она обойдется еще в 461 837 руб. НЦ самостоятельно такие покупки не осилит.

Наш новый партнер инвестиционная группа «Капиталъ» внесет $10 625 (см. материал на этой странице). Таким образом, недостает еще 681 862 руб. Российский научный центр рентгенорадиологии с благодарностью примет любую помощь.

Индивидуальный же подбор лечения ребенку в НЦ обходится в 10 000–30 000 руб. У большинства родителей нет таких денег. Имена и цены, а также реквизиты НЦ и счета есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Алем Ассефа, 24 года, последствия черепно-мозговой травмы, требуется реабилитация. 91 500 руб.

Два года назад, в канун дня рождения Гитлера, моего сына в метро сбили с ног двое бритоголовых и, по словам очевидцев, прыгали у него на голове под крики «Зиг хайль!». Все потому, что отец Алема из Эфиопии. Последствия расправы над сыном чудовищны: кровоизлияние, отек мозга. Месяц он провел в коме, врачи говорили, что у Алема один шанс выжить из ста. Для восстановления памяти, речи и двигательных функций требовалось лечение в спецклинике. Через интернет мы собрали $18 400 и поместили сына в Центральную клиническую больницу восстановительного лечения (ЦКБВЛ). Алем научился дышать без аппарата, глотать, заговорил. Корчился от боли, но улыбался. Его оптимизм и усердие поражают, но сейчас Алем дома, прикован к инвалидной коляске. Нам не хватило денег на реабилитацию. На лечение в ЦКБВЛ больше нет средств. Я бросила работу, ухаживаю за Алемом. Второй сын — студент. Помогите нам! *Елена Бурак, Москва*

Главврач ЦКБВЛ Михаил Куликов: «Алем — парень перспективный, лечение надо продолжать. Он сможет себя обслуживать, заметно улучшатся двигательные функции, речь».

Андрей Кутя, 6 лет, грубый порок развития позвоночника, спасет операция с применением имплантата. 148 512 руб.

Андрюша — восьмой ребенок в нашей семье. Бог дал мне только четверых, а еще четверых мы с мужем взяли из приюта. Андрюша наш последний приемный, все дети сказали: это ничего, что инвалид, будем ему помогать. Он замечательный мальчик, добрый, ласковый, подвижный, но вот двигаться-то ему с грубым искривлением позвоночника трудно и больно. Живем мы скромно, муж работает грузчиком, получаем пособие на детей. У нас большое хозяйство — и огород, и птица, только коровы, жаль, нет. Дети работящие, помогают мне во всем. И вот мы узнали, что Андрея вылечить можно, только это дорого. Мы уже были в институте имени Турнера, но денег на металлоконструкцию пока не нашли, пришлось ехать домой в Сибирь. Вот почему я решилась просить помощи у вас, вы помогли сотням таких же ребятишек. Не откажите и нам. *Елена Чугайнова, Иркутская область*

Замдиректора института имени Турнера (Санкт-Петербург) Сергей Виссарионов: «У Андрея врожденный кифоз позвоночника. Искривление огромное, ребенок буквально складывается пополам, начались неврологические нарушения. Операцию надо было сделать давно, но малыш был в приюте. Если применить имплантат, он станет развиваться нормально».

Владимир Чалов, 55 лет, семеро детей (шесть приемных), нужна мебель, бытттехника, детская одежда. 64 800 руб.

Я педагог, сейчас на пенсии после 17 лет работы в Якутии. Давно мечтал о средней полосе России и о большой семье. Здешние места понравились, и Марину тут встретил. Она моложе меня на 20 лет, работала в колхозе поваром. И я в колхоз пошел. У нас родился сын. А в 2002 году мы взяли троих сирот из дома ребенка, потом еще троих. Так что теперь у нас шестеро приемных детей от 2 до 14 лет. Я получил ссуду на строительство дома с условием погашения долга сельхозпродукцией. Десять лет строил сам, своими руками. Дом у нас большой, двухэтажный, газифицированный, даже спортзал есть. Только спим на раскладушках, а уроки дети делают на единственном столе, я сбил его из досок. Ни телевизора, ни газовой плиты нет, не на что купить. Хотелось бы еще хлебопечь и электромясорубку, нелегко ведь кормить такую семьищу. Будем благодарны и за одежду, детишки-то растут. Мы бы справились и сами, но год назад колхоз обанкротился, и работы не стало. *Владимир Чалов, Воронежская область*

Заместитель главы районной администрации Ольга Безгузова: «Чаловы очень хорошо заботятся о детях. Мебель им должен бы оплатить бюджет, да у района денег нет. Если можно, помогите купить кровати, письменные столы и бытовую технику».

Ярослав Александров, 8 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 162 500 руб.

Ясик родился абсолютно здоровым, а когда ему был всего месяц от роду, муж уронил малыша. У ребенка был перелом основания черепа, кровоизлияние в мозг и сетчатку глаза, полмесяца провел в реанимации. Сыночка спасли, но ползать он начал в три года, ходить в пять, держась за руку. Левую стопу выворачивает внутрь. Лечили где могли, но добились лишь некоторого улучшения координации. Говорит неразборчиво простыми предложениями, слов мало. И еще беда: судороги с четырех лет, а это противопоказание для физиотерапии и массажа. Меня пугает растущая агрессивность Ярослава и его бытовая беспомощность. Я отправила документы в Институт медтехнологий (ИМТ). Там берутся лечить, но один курс 32 тыс. руб., и надо их не меньше пяти. Не знаю, как быть. Муж нас бросил. Я учитель музыки, но мама-пенсионерка с Ясиком не справляется, и я оставила работу. Живем на алименты 2300 руб. и пенсию. *Наталья Александрова, Краснодарский край*

Заместитель директора Института медтехнологий Ольга Рымарева (Москва): «После черепно-мозговой травмы у Ярослава развился судорожный синдром, ДЦП, спастика. Это наш пациент. Надеюсь, ребенок приобретет навыки самообслуживания и сможет освоить программу спецшколы».

Соня Бойкова, 2 года, врожденный порок сердца, требуется эндоваскулярная операция. 186 600 руб.

Фонд «Русский дар жизни» внес $2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 118 786 руб.

Сонечка — наш единственный ребенок. Шумы в ее сердце впервые услышали в три месяца, но это не насторожило: у малышей так бывает, а потом проходит. Через полгода проверили и ахнули: порок сердца! У нас нашли дефект межпредсердной перегородки, отверстие в 8 мм. Соня худенькая, сидеть и ходить начала позже сверстников. Поплачет и задыхается, губы синеют. И простужается постоянно. Еще осенью нам сказали, что откладывать операцию нельзя. Закрыть дефект советуют щадящим способом, не разрезая грудь. Но надо оплатить импортную заплатку, а мы едва концы с концами сводим. Муж был рабочим на свинокомплексе, но там не платят, он и уволился. Торгует на рынке. Я была поваром, а как вышла в декрет, то работу потеряла. Говорят, если Господь дает ребенка, дает и возможность его вырастить. Видно, он послал людей, рассказавших о вас. *Татьяна Бойкова, Томская область*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «Порок у Сони идеальный для эндоваскулярного закрытия. Сейчас мы регистрируем у девочки большой сброс крови, дефект надо срочно устранить. И Соня будет нормально развиваться».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

У Алины Колованової очень хорошие шансы

Вчера Алина Колованова получила второй курс химиотерапии в больнице № 31 Санкт-Петербурга. У этой 11-летней девочки со Ставрополья злокачественная опухоль (карцинома) — и «очень хороший шанс на полное выздоровление», утверждают питерские врачи. Этот шанс Алине дали наши читатели. После публикации 21 апреля в „Ъ“ они собрали девочке все 868 250 руб., необходимых на химиотерапию и облучение. Вчера как раз завершен курс химии. Состояние Алины стабильное.

Врач говорит, что Алина Колованова «совсем хорошо» переносит лечение, которое оплатили читатели „Ъ“ ФОТО МИХАИЛА РАЗУВАЕВА

Этот курс химии второй по счету, он продолжался пять дней. Впереди еще четыре курса, говорит реаниматолог детского отделения Марина Кириченко. «Алина вполне прилично перенесла этот курс, я бы даже сказала, совсем хорошо»,— считает она.

Хорошая новость из Германии: 9 мая в университетской клинике города Аахен успешно выполнена сложная операция на сердце другой «крестнице» читателей „Ъ“ Даше Клоковой из Волгограда („Ъ“ от 31 марта). Для этой девочки были собраны 2 404 685 руб., и вот самое трудное позади. Даша чувствует себя хорошо.

А теперь о других ваших добрых делах.

Оплачены: операции по поводу пороков сердца алтайцам Алеше Лягушину (3 года, 186 600 руб.), Насте Арестовой (3 года, 133 600 руб.) и Юлии Николаевой (15 лет, 186 600 руб.), самарцам Мише Малютину (7 лет, Самарская область, 128 200 руб.) и Олесе Беляевой (15 лет, 180 000 руб.); по поводу сколиоза Светлане Чижонковой (15 лет, 173 060 руб., Новосибирская обл.), Елене Мишиной (16 лет, 58 140 руб., Карелия), Оксане Мастерчук (15 лет, 80 640 руб., Карелия); по поводу врожденной аномалии правого уха Линару Баязитову (14 лет, 114 451 руб., Башкирия).

Отправлено: 2 млн руб. в московский Институт медтехнологий на лечение детского церебрального паралича Лизы Осипп (5 лет, Ярославская обл.), Вики Енютиной (3 года, Москва), Вики Бурлак (4 года, Липецкая обл.), Карины Беловой (5 лет, Ростовская обл.), Димы Казакова (15 лет, Свердловская обл.), Дениса Мартынова (7 лет, Тверская обл.), Егора Шабашова (2 года, Самарская обл.), Кристины Хомченко (5 лет, Московская обл.), Кости Воскобойникова (5 лет, Калининградская обл.); 519 428 руб. на препарат вифенд Дарье Салии (18 лет, острый лейкоз, Санкт-Петербург); 150 000 руб. на челюстно-лицевую операцию Никите Платонову (10 лет, обширный термический ожог лица и тела, Смоленская обл.), 27 000 руб. на покупку мебели и бытовой техники Владимиру Чалову (55 лет, шестеро приемных детей от 2 до 14 лет, не достает 64 800 руб., Воронежская обл., см. на этой странице).

Помогли: Благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США), Виктория от руководителя, фирма БЭСКИТ, Александр, Яков Максимович, Андрей, Лариса от руководителя, Владислав (все — Санкт-Петербург), Владимир (Тюмень), Айрат (Казань), Е. Седов (Екатеринбург), Виктория (Челябинск), ОСАО «Ингосстрах», АКБ «Русь-банк», Михаил и Оксана, Алексей, два Евгения, Юлия, Вадим Анатольевич, Тарас, Андрей Анатольевич, Михаил, две Натальи, Ирма, Дарья от руководителя, Александр Николаевич, три Марины, Андрей Николаевич, Игорь, четыре Сергея, три Светланы, Николай, два Андрея, Вячеслав Владимирович, две Татьяны, Людмила Михайловна, Айдар, Станислав, Екатерина, Александр Владимирович, Жанна от Валерия Геннадьевича, Вениамин, Денис, Любовь от руководителя, Антон, Игорь Сергеевич, Эрика и Георгий, Артем, Павел (все — Москва).

Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $10,5 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru
Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».